

ТАНЕЦ БЕЗ УРБАНИЗМА

Современная хореография во Владивостоке

Валерий Шаров

ОЧЕНЬ странные — тревожные и в то же время крайне волнующие — ощущения вызывают эти танцы. Танцы, поставленные владивостокским хореографом Ольгой Бавдилович. Вроде бы и понятно тебе все. Но за стремительными движениями босых исполнителей в обтягивающем трико, подчеркнутых черным, будто пустота, полон; за использованием предметов (то длинная веревка, то широкая эластичная ткань или простая мешковина); за странным падением тела на черный пол или напряженно раскрытым ртом танцующего проступает нечто, что не дает тебе покоя. Из таких привычных для большинства форм искусств штампов, как любовь и ненависть, разлука и свидание, к которым вроде бы должны адресовать двигающиеся на сцене женские и мужские фигуры, тебя настойчиво выталкивает в иные, философские и трансцендентные сферы.

— В моих постановках, — объясняет свое искусство Ольга Бавдилович, — я пытаюсь сказать о том, что человек может летать, что жизнь прекрасна и вечна. К сожалению, не все зрители, включая порой и профессионалов, готовы к такому пониманию простых истин. Как-то у меня на представлении в номере без музыки работали две девочки: одна в желтой юбке, другая — в черной. И я услышала в зале разговор двух критиков: «Это что такое?» — удивленно вопрошала одна. «Это две лезбиянки», — отвечала ей коллега. «Нет, это две энергии», — вдруг начала прозвевать первая...

Можно бесконечно спорить о том, как это называть, кому адресовать. Но одно ясно сейчас бесповоротно. На дальневосточной окраине России родился, вырос и пока еще существует нестандартный, с собственным пластическим видением современный танец. Подтверждением сказанному может служить главная премия на первом конкурсе хореографов Сибири и Дальнего Востока, полученная труппой в 1990 году в Новосибирске. Или специальный приз Дома Дягилева «За новаторство в хореографии», присужденный ей в 1992 году на российском фестивале современного балета в Москве. Кстати, на том фестивале они заняли почетное третье место из участвующих восьми коллективов, четыре из которых были зарубежные. А после состоявшегося там же в конце 1995 года второго международного фестиваля современного танца балетные критики стали говорить, что она переросла уровень таких фестивалей.

— И в Москве, и в Питере, где я, кстати, окончила Институт культуры, — рассказывает Ольга Бавдилович, — есть свои сильные, давно устоявшиеся урбанистские традиции. Там много культуры, много искусства, но мало места для чего-то совершенно нового. А Владивосток, где я родилась и куда, к счастью, приехала работать, очень необычный город. В первую очередь из-за географического положения. Он стоит на скалах и на море, что дает ощущение огромного, многомерного пространства. В наших столицах везде присутствует человек, и, куда ни поверишь, наткнешься либо на здание, либо на площадь. Здесь же постоянно утыкаешься в простор. В теряющееся за горизонтом море, небо или гору, опять же уходящую в небо. Здесь все время есть какая-то цель, куда ты можешь уйти от цивилизации...

От этого и особенности ее хореографии. «Жест, движение должны быть такими, будто у меня что-то мурыжит внутри, но я не могу проговориться... Вот там земля была твердая — а здесь она мягчилась. Танец мне нравится тем, что он обладает свойством растворения. Вот он сооткался на десять минут, прошли они — и его уже здесь

нет. И нигде нет! Остались только чувства, им рожденные. Живопись можно долго рассматривать со всех сторон, музыку трогать в нотах, книгу — в тексте. Танец же есть только в этом пространстве и времени, музыке и движении исполнителей на сцене».

Бавдилович начала в середине 70-х, самом расцвете советского застоя. Не сломалась и не свернула с пути. Хотя по прочной российской традиции не только не хватало средств на авангардную работу, но ее еще и, мягко говоря, не понимали: постоянно ругали за танцы без пуантов и в трико, за ис-

этих танцев они поняли, как правильно играть Артемова.

Как-то недавно Бавдилович поздно возвращалась с репетиции и «поймала» машину. В дороге разговорился с водителем, тот заинтересовался, чем она занимается. Зная подобный контингент собеседников, Ольга Бавдилович решила не употреблять такое далеко от них слово, как «хореограф», и заменила его на более известное «балетмейстер». «Кто, кто?!» — воскликнул под стать булгаковскому Воланду на редкость просвещенный водитель. — *И это во Владивостоке! Они еще здесь есть?».*

Странные танцы Ольги Бавдилович. Фото Константина Шульги

пользованию неизвестной и западной музыки, вообще за непонятное действо на сцене. В соответствующих ведомствах на нее было заведено досье, а агенты приходили на концерты. Пытались было даже профессионального диплома лишить. Но она выстояла — помогло неукротимое желание звучать собственному духовному закону и сделать что-то свое в искусстве. Помогла и интеллектуальная атмосфера — при Владивостокском Доме ученых она в то время ставила свои танцы. Там и собирала постоянно полный зал народу — без всяких афиш. Однако ценители современного танца скоро поняли, что к чему, а молва об интересном явлении в искусстве быстро и без всяких афиш распространялась от человека к человеку.

У нее весьма любопытные отношения с музыкой. Иные танцы идут только под звуки ветра, воды, пения птиц. В других с успехом используется классика (Бах). Очень много современной музыки — Шнитке, Тина Тернер... Названия ее постановок: «Птенец Анчали», «Ночной махаон», «Триптих», «Танцы пустоты», «Заклятия», «Там, где ветер хоронит воспоминания и рождает иллюзию». «Я просто подбираю музыкальные произведения с двумя, тремя измерениями», — говорит Ольга Бавдилович.

Композитор с мировым именем Вячеслав Артемов сам предложил ей использовать его музыку, случайно увидев танцы на видеокассете, и дал свою пластинку для прослушивания. Она включила ее без особых надежд, но с первых же звуков поняла, что это «ее» музыка. В результате появилось много постановок на произведения Артемова, и композитор, посмотрев их, написал хореографу: «Ольга, я никогда не думал, что в моей музыке есть еще такие пласты. Вы — гений!» После фестиваля композитора, на котором театр Бавдилович исполнял несколько номеров, к ней подходили музыканты и признавались, что после просмотра

...Ныне ее коллектив продолжает существовать в отделанном собственными руками небольшом уютном зальчике (с примерно сотней зрительских мест) под крылом Владивостокского Дома молодежи. Несмотря на энтузиазм и планомерную подготовку новых номеров, нормального дела становится все меньше и меньше. Какие средства можно Ольге получить у местного управления культуры, если ее нынешний начальник в бытность комсомольским вожаком приходил закрывать театр Бавдилович?! Труппа выпала из общероссийского танцевального пространства — не под силу расходы на поездки. Западные фестивали тоже не по карману. Несмотря на тяжелейшее финансовое положение и уменьшение труппы с 20 до нескольких человек, все же идут репетиции и подготовка новых программ. Поскольку все участники Владивостокского театра камерного танца пришли сюда не в детском возрасте, вполне осознанно и не ради денег. Бывало в зале, где они занимаются, замерзала оставленная на ночь вода. Ну и что? Если не хватает тепла — ноги перед репетицией разогревают над электрообогревателем. Если нет света — зажигают свечи и работают при них.

В искусстве хореографии рукописи — вопреки расхожей фразе — горят. Сама Бавдилович — и режиссер, и постановщик, и осветитель, и костюмер, и звукооператор — обреченно говорит о, видимо, последнем годе существования своего детища. Ссылаясь то на человеческие причины, связанные с танцующими («У девочек свои личные жизни...»), то находя этому символические объяснения («Наш театр существует уже 12 лет, а это целый астрологический шикл по восточному календарю и нормальный период жизни подобного явления...») Недоумевая, как вообще можно выжить в нынешних налоговых тисках. А ее театр и сейчас собирает полные залы.

Владивосток